

УДК: 951.06 (093.5)

ЗНАЧЕНИЕ ТЫРСКИХ СТЕЛ И ХРАМА «ЮННИН» В ОЦЕНКАХ МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Валентин Цуньлиевич ГОЛОВАЧЁВ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник от-
дела Китая Института востоковедения РАН, г. Москва.
e-mail: valliu@hotmail.com

Статья посвящена истории изучения двух каменных стел, возведённых послами китайских императоров в XV в. на Тырском утёсе, в низовьях Амура, по случаю постройки «Храма Вечного Покоя» (Юннин сы). Обе стелы (стела 1413 г. на китайском, монгольском и чжурчжэньском языках и стела 1433 г. на китайском языке) хранятся в Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток).

Ключевые слова: историография, управление Нургань, эпитафические памятники, Тырские стелы, храм Юннин.

The significance of the Tyr Steles and the “Youngning “Temple as estimated in world historiography

V. Ts. Golovachov, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Department of China, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow.

This paper deals with the historiography studies of two steles, erected atop of the Tyr cliff in the lower Amur in the 15th century, with inscriptions in Chinese, Jurchen, Mongolian (1413 stele) and in Chinese only (1433 stele). Currently, both steles are exhibited at the Primorye State Museum named after V.K. Arseniev in Vladivostok.

Key words: historiography, administration of Nurgan, epigraphic monuments, the Tyr Steles, the Youngning Temple.

За полтора века, минувшие с тех пор как две Тырские стелы из храма Вечного Покоя (Юннин сы) попали в фокус внимания учёных России, Китая, Японии, Европы и США, эти уникальные эпитафические памятники обрели широкую известность и по праву признаны ценным достоянием мировой истории и культуры. Неизменный научный интерес к ним в немалой мере вызван тем, что одна из стел, подобно Розеттскому камню, представляет собой редчайшую трилингву** с текстом забытых «малых» чжурчжэньских письмен*** и параллельными текстами на китайском

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07—04-00235а «Тырские стелы XV в.: перевод, комментарии, исследование»).

** На стеле 1413 г. есть надпись и на четвертом, тибетском языке, она состоит лишь из одной фразы буддийской молитвы (Ом мани падме хум), высеченной на боковой грани стелы на китайском, монгольском, чжурчжэньском и тибетском языках.

*** На сегодня усилиями ученых всего мира установлено значение лишь около 2000 знаков чжурчжэньской письменности, имевшей к тому же два вида — большие и малые письмена.

и монгольском языке. Хотя текст трилингвы не даёт ключа для полной дешифровки чжурчжэньских иероглифов, общими усилиями учёные добились весомых успехов в установлении всех текстов надписей, включая определение и истолкование отдельных знаков и даже реконструкцию местами утраченного китайского текста*. Проведена работа по атрибуции обелисков (датировка, авторство, место и условия появления), их сравнению с текстами китайских и корейских хроник, эпиграфикой и пр. В то же время ряд вопросов, в том числе роль реальных исторических условий, цели и мотивы авторов, политико-культурное значение храма и стел, всё ещё ждут объективного научного освещения.

ОЦЕНКИ ЗАРУБЕЖНОЙ И КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Оценивая значение Тырских стел, учёные разных стран и эпох допускают спорные суждения, иногда взаимоисключающие и несвободные от политических влияний. Например, китайская историография имперских времён, следуя своим тысячелетним традициям, включала народы всех сопредельных с Китаем земель в число данников, независимо от их реального состояния. При помощи Тырских стел японские и китайские историки первой половины XX в. пытались показать первенство появления китайцев в низовьях Амура и установления ими в этих местах прямого, эффективного и «признанного суверенитета» китайской династии Мин (1368—1644) [Lin 1935: 3, 22, 43]. Так, Линь Тунцзи и большинство ранних китайских авторов полагают, что земли чжурчжэней в отличие от монголов, ойратов и даже вассальной Кореи были превращены в составную часть империи Мин и считались таковыми, несмотря на слабость правления в периоды ослабления династии (Lin 1935: 33). По их мнению, это доказывало незаконность «агрессивной политики» и «аннексии» Приамурья и Сахалина царской Россией.

Такое мнение полностью разделяли учёные КНР в 1970—1980-х гг., в том числе авторы изданной в 1982 г. книги «Исследование главного управления Нургань и прочих воеводств и караулов эпохи Мин», доказывавшие, что центральное правительство Мин «осуществляло эффективное правление» в бассейнах рек Амура и Уссури о чём свидетельствуют Тырский храм и стелы, равно как и другие источники [Ян Ян и др. 1982: 18, 233, 235, 240; Цзян Сюсун, Ван Чжаолань, 1982: 13; Ли Цзяньцай, 1986: 20, 29, 34; Цзюй Дэюань, 1980; Накамура, 1990]. По сути, в 1970-х гг. учёные КНР руководствовались политической целью доказать незаконность захвата «исконных китайских земель» «царскими агрессорами» и неправомерность претензий на эти земли со стороны «советских ревизионистов». Доводы китайских историков тех лет сводились к тому, что бассейн Амура «был издревле землёй Китая», пребывавшей под «постоянным правлением исторических правительств Китая», амурские туземцы — «народы на-

* К концу 1970-х гг. было прочитано до 1000 знаков на стеле 1413 г. и до 800 знаков на стеле 1433 г. [Артемов 2005: 18—19]. В тексте первой стелы не были установлены лишь 40 знаков, а в тексте второй — 19 знаков [Чжун Миньянь и др. 1975: 36].

шей страны», храм Юннин — китайский храм, а Тырские стелы — китайские стелы. При этом правление киданьской династии Ляо (916—1125) и чжурчжэньской Цзинь (1115—1234) приравнивалось к правлению нацменьшинств Китая, а созданное позже в этих землях управление Нургань* объявлялось «...региональной административной ветвью внутри многонационального государства минского Китая» [Чжун Миньянь и др., 1975: 33—34, 56; Люй Гуантянь, Гу Цинсяо, 1985а, б].

В 1980-х гг. учёные КНР продолжали стоять на том, что земли Амура были «...местом труда, отдыха и воспроизводства трудящихся разных национальностей нашей страны». Уже тогда они сделали шаг к возврату от политики к науке, подчеркнув важность восприятия достижений зарубежной науки и учёта своих ошибок для создания точной и убедительной исторической картины [Шэнь Чжувэнь, 1981: 109—110]. Появились признания определённых «противоречий между династией Мин и разными народностями Северо-Востока» [Ли Цзяньцай, 1986: 105]. К 1990 г. зазвучали голоса против упрощённых оценок роли местных органов Китая в управлении «малыми народами Северо-Востока» и против неисторичной подачи маньчжурских правителей Цин (1644—1911) в роли «преемников главного управления Нургань» [Цзян Сюсун, Ван Чжаолань, 1990: 89—92]. Тенденция к расширению спектра мнений китайских историков при оценке пограничных проблем постепенно усилилась к концу XX в. [Границы Китая, 2001: 58]. И даже сегодня в работах ведущих экспертов КНР встречаются фразы о том, что земли династии Юань достигали полярной зоны в Сибири, а также о начале в XVII в. «русской агрессии» в районе Амура. Вместе с тем в своих обзорах истории формирования северо-восточных китайских границ они осторожно избегают прямого уравнивания монгольской династии с Китаем и опускают некогда обязательные декларации о том, что низовья Амура являлись китайской территорией уже при династии Мин [Ма Дачжэн, 2005: 497, 510].

ОЦЕНКИ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Советские историки в свою очередь в 1970-х гг. придерживались принципиально иной точки зрения. Полемизируя с выводами китайских историков, они выдвигали встречные доводы о независимости этих земель от любых сопредельных государств, а также утверждали, что постройка Тырских храмов и стел вовсе не доказывает факт захвата и присоединения

* Первые сведения о воеводстве (вэй) Нургань относятся к 1404 г. В 1411 г. преобразовано в Главное выездное командное управление Нургань [Serruys H., 1955: 43; Мелихов, 1970: 269]. Формально включало три группы чжурчжэньских племен: Цзяньчжоу, Хайси и «дикарей» (е-жэнь). Последние проживали на севере, вплоть до низовьев Амура и Сахалина. В отличие от управления Ляодун, штат которого комплектовался в основном китайцами, управление Нургань возглавили чжурчжэни и монголы. Как и другие управления Мин, оно включало военные округа (вэй), тысячедворные и стодворные посты (со). Но вопрос, были ли эти единицы прямо подчинены управлению Нургань или существовали параллельно, остается открытым [Цзян Сюсун, Ван Чжаолань, 1990: 89—91; Pei Huang, 1990: 258].

к Китаю приамурских земель, никогда не принадлежавших империи Мин (Мелихов, 1970: 271; Бескровный и др., 1972). По данным источников, отмечали советские историки, Нургань ничем не отличалось от структуры обычных чжурчжэньских округов (вэй), создававшихся минами до и после 1411 г. Как и в других вэй, в основе управления в Нургани лежали принципы опосредованной политики «длинной узды» (цзими) и вся полнота власти была оставлена в руках местных вождей. В Нургань никогда не было постоянных наместников-китайцев и не размещались китайские гарнизоны. Из этого делался вывод, что пограничная политика Мин не предполагала территориальной экспансии и ограничивалась наведением порядка на границах путём установления номинального контроля над туземцами. В частности, экспедиции Ишиха не были военной акцией и не преследовали цели захватить и присоединить к Минской империи чжурчжэньские земли [Мелихов, 1970: 270—271].

В 1980-х гг. отдельные российские учёные по-прежнему утверждали, что Китай никогда не имел военного, политического, культурного или иного влияния в «советских» районах Нижнего Амура. В целом связи Китая с чжурчжэнями и их соседями в XV в. расценивались советскими китаеоведами если не как равноправные, то в большинстве случаев и не как вассальные [Кузнецов, 1975: 206; Евсюков, 1986: 65, 75].

В постсоветские годы российские учёные, как и китайские, стали уходить от политических акцентов в сторону мотивированных, взвешенных подходов и изучения точек зрения зарубежных оппонентов [Границы Китая, 2001; Артемьев, 2005; Головачёв, 2009], при этом отчасти возвращаясь к оценкам русских востоковедов XIX в. Наиболее взвешенным и близким к истине выглядит мнение В.П. Васильева, ещё в 1863 г. утверждавшего, что хотя «...маньчжуры никогда не были подвластны Минской династии... потому что под действительным владением надобно разуметь только такие земли, в которых поставлены китайские чиновники и гарнизоны, оберегающие границу, за всем тем утверждать, что чжурчжэни были вполне независимы, тоже нет возможности... Китай давал чины, титулы, печати и выступал в роли арбитра... Учреждение между ними округов, пожалование чинов не было номинальное. Маньчжуры (чжурчжэни. — *В.Г.*) не смели самовольно распоряжаться в своих землях, они постоянно добивались получить китайские чины» [Васильев, 1863: 41—42].

Стоит отметить, что В.П. Васильев не приводит конкретных доводов помимо общих слов о том, что «судоходство по Сунгари, возможно почти до самого верховья этой реки, свидетельствует.. что минское владение в северной Маньчжурии было не совсем номинальное, что китайцы не хотели оставаться в совершенной недеятельности и беспечности в отношении к своим соседям». Упомянутое В.П. Васильевым стремление чжурчжэней к получению китайских чинов ещё не означало, что они не могли самовольно распоряжаться в своих землях. Можно согласиться с его тезисом, что чрезмерное сосредоточение власти в руках местных вождей также не входило в расчёт китайцев, хотя Мины не стремились аннексировать новые северные территории. «Китайцы не искали расширения своих земель вне Ляодуна, но не могли не войти в сношения с пограничными жителя-

ми и постарались заставить лаской, чтобы они признали себя вассалами империи... Приведение к вассальной покорности чжурчжэней... продолжалось исподволь» [Васильев, 1863: 44, 48—49]. Применение китайцами указанной тактики прямо подтверждает и текст Тырской стелы 1413 г., сообщающий, что император Мин «пожаловал печать на управление» жителям Нургань и приказал евноху Ишиха «...собрать население прежних племён и предоставить его своему собственному управлению» [Цит. по: Мелихов, 1970: 272].

К началу XXI в., когда пограничные споры и политические страсти поулеглись и уже сами стали историей, перед учёными встаёт задача сугубо научного осмысления и объективного обобщения итогов прошлых исследований. В частности, требуется уточнение реальных обстоятельств и мотивов постройки храмов и установки стел, а также оценка значения этой акции в контексте внешней политики Мин и той особой роли, которая отводилась пограничному округу Нургань.

ОБОБЩЕНИЕ ОЦЕНОК И ВЫВОДОВ МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Оценка значения стел и храма Юннин невозможна без учёта как конкретных исторических условий начала XV в., так и общей сути китайской доктрины управления варварами. Между тем, как отмечает Серройс, дать оценку политической власти и силе китайского влияния на северо-востоке было бы крайне трудно, так как имеющееся в распоряжении науки небольшое количество фактов не позволяет получить полную картину, необходимую для удовлетворительных умозаключений [Serruys H., 1955: 66]. Тем не менее в распоряжении учёных всё же имеется ряд фактов и свидетельств о принципах пограничной политики Мин в Приамурье, которые служат основанием для некоторых, пусть даже неоднозначных заключений.

Очевидно, политика Мин в отношении территорий и населения Нургань представляла собой не столько эффективное администрирование и юрисдикцию в рамках точно установленных государственных границ, о котором уже больше века спорят многие авторы, сколько попытки постепенного привлечения и аккультурации на основе традиционной китайской доктрины универсального государственного правления. Последняя исходила из того, что все варвары заведомо принадлежат китайскому миру, поскольку существуют на его периферии, даже если и не включены в систему прямого государственного управления Китайской империи. Суть данной доктрины впечатляюще и ёмко выражена в тексте Тырской стелы 1413 г., цитирующем «Чжун Юн»*: «Всё, над чем простирается Небо, всё, поддерживаемое Землёю, всё, что освещают солнце и луна, всё, на что падают иней и роса, всё одушевлённое (буквально, «те, из крови и духа»). — В.Г.)

* Трактат «Чжунъюн» (Неизменная Середина) — один из канонических «Четверокнижия» («Луньцзы», «Мэнцзы», «Дасюэ», «Чжунъюн»), составленного в XII в. философом Чжу Си и легшего в основу классического конфуцианского образования в Китае эпохи Мин и Цин.

без исключения испытывает благоговение и почтительность [к государю]» [Цит. по: Мелихов, 1970: 273]. Как известно, подобные взгляды доминировали в Китае с древности, вплоть до середины XIX в., когда под натиском колониальных держав китайцы были вынуждены признать западную доктрину государственного суверенитета как эффективное управление землями и подданными в пределах жёстко очерченных государственных границ.

Авторитетный американский исследователь Хуан Пэй вполне корректно определяет позицию Мин как «невоенную политику непрямого контроля» или политику «длинной узды» (цзими) над чжурчжэнями [Pei Huang, 1990: 256—258]. Против наличия эффективной власти династии Мин в Нургани говорит и целый ряд следующих существенных моментов.

- Управление вели местные вожди согласно местным обычаям. Как видно из источников, эти обычаи не имели ничего общего с культурой «Срединной равнины» Китая. В частности, Тырская стела 1413 г. содержит подробный перечень этих «диких» обычаев, а авторы китайского текста стелы 1433 г. признают: «Обычаи и нравы [туземцев] отличаются настолько, что невозможно в полной мере передать» (перевод мой. — В. Г.).
- Обязанности местных вождей ограничивались эпизодичной отправкой дани и посольств ко двору императора, соблюдением порядка в своих владениях и номинальным признанием своего вассалитета. При этом «диких чжурчжэней» мало волновали интересы Мин, иногда они просто игнорировали указы минских властей.
- Местные жители не платили регулярных налогов и податей правителям Мин, а нерегулярно посылаемая ими дань была, по сути, замаскированной выгодной торговлей.
- Контакты между китайцами и туземцами сводились в основном к обменам визитами, причём главами минских посольств были не китайцы, а инородцы, например Ишиха (чжурчжэнь из Хайси), Кан Ван и Кан Фу (татары) и пр. [Serruys H., 1955: 57; Тории Рюдзо, 1937: 16].
- Нургань относилось к категории «привязующих (цзими) вэй», существовавших в особом автономном статусе и ещё не включённых в систему прямого административно-территориального управления Мин. Даже после преобразования Нургань в «главное выездное командное управление» (*дучжихуэйшисы*) назначенные на высшие посты «татары» Кан Ван и его сын Кан Фу установили в нём, по сути, наследственное правление.
- Управление Нургань вообще не входило в списки военных управлений Мин, после 1411 г. о нём нет упоминаний в династийной истории «Мин ши». Самое же последнее известие о Нургань в дворцовых «достоверных записях Великой Мин» (Да Мин шилу) датировано 2-м месяцем 1434 г. (9-й год Сюаньдэ), когда Ишиха вернулся из последней экспедиции в столицу [Тории Рюдзо, 1937: 38; Мелихов, 1970: 270—271].
- Китайцы не имели надёжного доступа в эти места, что подтверждает и текст Тырской стелы 1433 г.: «Трудно достигнуть тех мест, кроме как на судах... Во времена Хунъю [1368—1398] направляли послов достиг-

- нуть той страны, но не проехали» [Цит. по: Гань Чжигэн, Сунь Сюжэнь, 1986: 495]. В 1429 г., сославшись на сложность постройки судов, бедствия солдат и бесполезность столь дальних походов, император отменил экспедицию Ишиха и приказал ему вернуться в столицу [Мэн Сэнь, 2006: 55]. Тяготы последующих экспедиций Ишиха делали их настолько опасными и обременительными, что приводили к массовому бегству участников. Согласно «Да Мин шилу» в 1431 г. (7-й год Сюаньдэ) мианам пришлось даже издавать указы о розыске и принудительном возвращении более 500 беглых рекрутов, в основном чжурчжэней Ляодуна, не желавших строить суда и укrywшихся вместе со своими вождями среди «диких» чжурчжэней [Тории Рюдзо, 1937: 35—36].
- К 1433 г. Ишиха и другие посланники Мин побывали в Нургань в общей сложности около 7 раз*, а за 20 лет после 1413 г. они приезжали лишь 4 раза, т.е. эти выезды были скорее эпизодическими, чем регулярными. Вероятно, из-за отсутствия постоянной связи и сообщений о жизни в Нургань китайцы не сразу узнали про гибель первого храма Юннин от пожара и смогли восстановить его лишь много лет спустя.
 - Управление Нургань возглавляли посланные из Ляодуна «выездные чиновники» 流官, совмещавшие свои должности в Нургань с должностями в управлении Ляодун [Цзян Сюсун, Ван Чжаолань, 1990: 94]. В самой же Тыре не было чиновников из Китая, чьё постоянное присутствие могло бы обеспечить прочный контакт и «сдерживание» туземцев 皆受節制, т.е., по сути, исключить необходимость в столь крупных и дорогостоящих акциях, как экспедиции Ишиха.
 - Военные лица также посылались из управления Ляодун, в основном эскортируя выезды высших чинов в Нургань и обратно. Как показывает Тырская стела, так было и в 1413 г.: «Ишиха и другие возглавили чиновников и военных тысячу с лишним человек». При менее помпезных выездах военный эскорт насчитывал лишь от 200 до 300 бойцов. В самом же Нургань не было постоянных военных гарнизонов Мин, что и предопределяло выбор тактики «мягкой» дипломатии. Видимо, поэтому, вопреки опасениям туземцев, после разрушения храма — Ишиха не пытался искать и карать виновных, а просто «милосердно» построил новый храм и установил статую Будды.
 - Не только людские (чиновники, рабочая сила, охрана и др.), но и основные материальные ресурсы (транспорт, товары, продовольствие и т.д.), необходимые для управления Нургань, а также жалованье и награды для возвращавшихся из Нургань служащих выделялись за счёт управления Ляодун, которое было своего рода базой снабжения для зависимого от него управления Нургань. Даже изданный в 1435 г. указ о прекращении снабжения Нургань адресован главам управления Ляодун [Цзян Сюсун, Ван Чжаолань, 1990: 94].

* По подсчётам Ло Фуи (Маньчжоу цзиньши као), Ишиха побывал в Нургань 10 раз, 5 раз в годы Юнлэ (1403—1424) и 5 раз в годы Сюаньдэ (1426—1435). По мнению Эдзима Хисао, лишь 2 из 7 экспедиций Ишиха пришлись на годы Сюаньдэ (1426 и 1433 гг.) [Цзян Сюсун, Ван Чжаолань, 1982: 13]. В данном случае мы согласны с мнением японского ученого.

- Экспедиции Ишиха были скорее показательными акциями, призванными продемонстрировать влияние и присутствие китайцев, но никак не равнозначными постоянному присутствию в Нургань. Несмотря на размах и многолюдность своих экспедиций (до 2000 чел. на 50 больших лодках), Ишиха не имел достаточных сил для прямого покорения местных жителей и завоевания огромных территорий Приамурья и Сахалина, номинально причислявшихся минами к Нургань.
- Учреждение управления Нургань и крупномасштабные акции, подобные экспедициям Ишиха, не приводили к заметным переменам в законах, обычаях и образе жизни местных жителей [Serruys H., 1955; Мелихов, 1970]. Высеченные на стелах слова о том, что туземцы «прыгали в восторге» и желали быть верноподданными «до детей и внуков», определённо являлись не фактом, а отражением политических амбиций минских властей.
- Вероятно, храм Юннин не был популярен среди аборигенов. Об этом свидетельствуют стела 1433 г., сообщающая о «тех гиляках, что тайно разрушили храм», и то, что после пожара туземцы не стали его восстанавливать. В 1433 г. он был возведён китайцами, но просуществовал недолго — сгорел при пожаре [Попов, 1904: 19; Кычанов, Шавкунов 1966; Евсюков, 1986: 78; Артемьев, 2005: 39, 183; Артемьев, 2001: 28].

Обобщая вышесказанное, представляется правомерным говорить лишь о политике аккультурации, которую мины пытались осуществить путём постепенного культурного проникновения [Serruys H., 1955: 67], в частности, путём особой символической маркировки пространства «цивилизующего» влияния Китая в районах низовья Амура. Появление Тырских храмов и стел было важным пропагандистским актом (обычная роль храмов и памятников эпиграфики в Китае), сознательно установленным публичным символом культурно-религиозного, «энергетического» (с учётом важнейшего фактора геомантии) освоения зоны Амура. По мнению авторов китайского текста стелы 1413 г., это деяние позволило императору Мин превзойти даже двух великих правителей древности («Во времена Яо и Шуня... [власть их] не простиралась за пределы Девяти областей [Китая]»). Но на деле такое символическое приращение «вассальных» земель на севере, равно как и «приобщённых» за счёт морских экспедиций Чжэн Хэ на юге, не было равносильно эффективному политическому контролю, т.е. их прямому включению в состав империи Мин и утверждению суверенитета в духе западной доктрины государственности, признанной и принятой в самом Китае лишь во второй половине XIX в. Не стоит преувеличивать и степень внешних культурных влияний на коренные народы Нижнего Амура и Сахалина, которые имели свою историю и сохраняли самобытность традиционной культуры, представлений о мире и образе жизни вплоть до XX в. [Штернберг, 1933; Sei Wada, 1938: 57—59; Накамура Кадзуюки, 1990: 93].

Очевидно, что мировой науке XXI в. суждено «перерасти» упрощённые выводы о событиях прошлого, исходящие из неисторичной абсолютизации, отрицания или столкновения качественно различных политических доктрин Запада и Востока. Отживают свой век и непродуктивные

попытки их искусственной подмены, модернизации или отождествления в угоду политике. Чтобы привести различные подходы и мнения к общему знаменателю, следует признать, что исследования Тырских стел и храма Юннин не могут сводиться к доминировавшим в XX в. поискам «железных доводов» для оценки современных политических реалий в этом регионе. Что касается исторических реалий, то факт китайского присутствия в Тыре ещё не означал прямого включения этих территорий в состав Китайской империи в XIV—XV вв., тем более, что активные связи династии Мин с чжурчжэнями были весьма недолгими. Их пик пришёлся на годы Юнлэ (1403—1424), но уже с 1435 г., после смерти императора Сюаньцзуна, влияние империи в низовьях Амура стало чисто номинальным, а реальное правление Мин сократилось до границ Ляодуна. В 1449 г., после пленения вождём ойратов минского императора Инцзуна, Нижнее Приамурье оказалось и вовсе отрезанным от Китая. В итоге резкое прекращение китайской торговли с жителями Приамурья и Сахалина, усугублённое затянувшейся на десятилетия враждой Мин с приграничными чжурчжэнями, привело к масштабной перестройке всех региональных экономических связей и могло стать одной из причин вспыхнувшей в 1456 г. японо-американской войны [Накамура: 3; Кузнецов, 1975: 209—212]. С другой стороны, традиционная западная концепция суверенной государственности с её устаревшими противоречиво-метафизическими критериями роли, правового статуса, времени и места действий политических субъектов отнюдь не опровергает очевидный факт давнего (с XV в.) присутствия китайцев «у высоких берегов Амура» и заметных политических, экономических и культурных связей Китая с местным населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

- Артемяев А.Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток, 2005.
- Артемяев А.Р. Некоторые итоги археологических исследований буддийских храмов XV в. в низовьях Амура // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 21—51.
- Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы // Международная жизнь. 1972. № 6.
- Васильев В.П. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. СПб., 1863.
- Головачёв В.Ц. Тырские стелы и храм «Юннин» в оценках историков // XXV международ. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки: Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций». СПб., 2009. С. 207—208.
- Границы Китая: история формирования / под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001.
- Евсюков В.В. Чжурчжэни и их отношения с Мин (XV в.) // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986. С. 64—78.
- Кузнецов В.С. Минская империя и Маньчжурия (XV — начало XVII в.) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 203—225.
- Кычанов Е.И., Шавкунов Э.В. Дальний Восток в XIII—XVI веках // Отд. отт. из «Истории Сибири. Макет». Новосибирск, 1966.

- Накамура Кадзуюки. Расшифровка надписей на стелах буддийских храмов в Тыре и её значение в изучении истории айнского народа. Хакодате. (Рукопись).
 Мелихов Г.В. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402—1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1970. С. 251—274.
 Попов П.С. О Тырских памятниках // Зап. Вост. отд-ния Императорского Русского археологического о-ва. СПб., 1904. Т. 16. Вып. 1. С. 12—21.
 Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.

На английском языке

- Pei Huang. New Light on The Origins of The Manchus // Harvard Journal of Asiatic studies, Vol. 50, № 1. (June 1990). P. 239—282.
 T.C. Manchuria in the Ming Empire // Nankai Social & Economic Quarterly. Vol. VIII. № 1. Tientsin, 1935. P. 1—43.
 Sei Wada. The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese records // Memoirs of the research department of the Toyo Bunko. Tokyo, 1938. № 10.
 Serruys Henry, Sino-Jurchen Relations during the Yung-lo Period (1403—1424). Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1955.

На китайском языке

- Гань Чжигэн, Сунь Сюэнь. Хэйлунцзян гудай минцзу шиган. Харбин, 1986.
 Ли Цзяньцай. Мин дай Дунбэй (Северо-Восток эпохи Мин). Шэньян, 1986.
 Люй Гуантянь, Гу цинсяо. Ляо, Цзинь лян чао Бэйцзяэр ху дицюй хэ Хэйлунцзян лююй дэ Тунчжи (Господство Китая при династиях Ляо и Цзинь над озером Байкал и бассейном реки Хэйлунцзян) // Сюэси юй таньсо. 1985. № 3. С. 127—136.
 Люй Гуантянь, Гу Циньяо. Миндай жучжэнь цзу ды фэнь бу юй фачжань (Распределение и развитие чжурчжэней в эпоху Мин) // Шэхуэй кэсюэ цикань. 1985. № 2.
 Ма Дачжэн. Мадачжэн вэньцзи (Собрание сочинений Ма Дачжэна). Шанхай, 2005.
 Мэн Сэнь. Маньчжоу кайго ши цзян и (Лекции по истории образования Маньчжурского государства). Пекин, 2006.
 Тории Рюдзо. Нуэргань дусы као (Исследование главного управления Нургань) // Яньцзин сюэ бао. Пекин, 1937.
 Цзюй Дэюань. Гуаньюй Мин дай Нуэргань Юннин сы бэй цзи Дэ каоча хэ яньцзю (Изучение и исследование текстов стел Юннин в Нургань эпохи Мин) // Вэньсянь, 1980, Вып. 1.
 Цзян Сюсун, Ван Чжаолань. Цун Юннин сы бэй кань Мин дай дунбэй гэ миньцзу дэ гуаньси (Взгляд на отношения народов северо-востока в эпоху Мин с позиции стел храма Юннин) // Лиши цзяосюэ. 1982. № 11. С. 11—15.
 Цзян Сюсун, Ван Чжаолань. Гуаньюй Нуэргань дусы дэ вэньти (О проблемах главного управления Нургань) // Миньцзу яньцзю. 1990. № 6. С. 85—95.
 Чжун Миньянь, На Сэньбо, Цзинь Цицзун. Мин дай Нуэргань Юннин сы бэй цзи сяо и (Выверенный перевод текстов стел из храма Юннин эпохи Мин) // Каогу сюэ бао. 1975. № 2.
 Шэнь Чжувэнь. Гуаньюй Мин Нуэргань Юннин сы бэй (О минских стелах из храма Юннин сы в Нургань) // Янчжоу ши юань сюэбао (Шэ хуй кэсюэ бань). 1981. № 2. С. 109—111.
 Ян Ян, Юань Люйкунь, Фу Ланьюнь. Мин дай Нуэргань дусы цзи ци вэй со яньцзю (Исследование главного управления Нургань и прочих воеводств и караулов эпохи Мин). Хэнань, 1982.
 Накамура Кадзуюки. Пин «Мин дай Нуэргань дусы цзи ци вэй со яньцзю» (Рецензия на «Исследование главного управления Нургань и его воеводств и караулов эпохи Мин») // Бэйфан вэнь. 1990. № 4. С. 92—93.